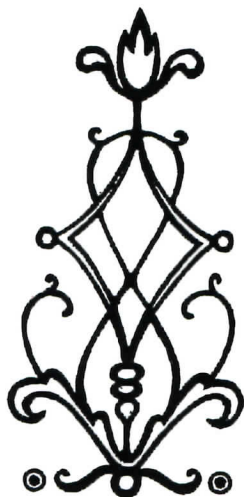

28 НЕБЕС

НИЕНА

- **Интервью**
- **Монолог**
- **Апокриф**

Российская государственная
библиотека для молодежи

80005647

Харитонов

28 НЕБЕС

**Журнал
андерграундной литературы**

**Луганск
Синдром Охо
1995**

ИНТЕРВЬЮ С НИЕННОЙ

22 сентября 1994 года. Нескучный сад. Эльфятник. Ниенна и я сидим на травке несколько в стороне от общей тусовки. Тусовка неявно тусуетея и ощущимо — явно, зримо — сражается на деревянных мечах. Изредка мимо нас по дорожке проплывает дивный эльф. Ниенна время от времени прикладывается к бутылке вина и непрерывно курит. Я держу микрофон.

— Первый вопрос: как правильно произносить — Ниэнна или Ниенна?

— Правильно произносить Ниэннах и Ниенна. Дело в том, что более правильный вариант имени — Ниэннах, Скорьбь Тьмы, но по созвучию на квэнья самое близкое (поскольку Ниэннах — это именно на языке Тьмы или на языке Эльфов Тьмы, Ах'енн), самое близкое — это Ниенна. А вообще, собственно имя Ниэннах дано по названию руны "Ниэн Ахэ".

— Еще я никогда не мог понять, почему в толкинистской среде пишут Толкиен, через "ие".

— Дело в том, что в английском языке там должно быть долгое "и", почему-то не дифтонг. Вообще имя немецкого происхождения, поэтому долгое "и". В русском языке удвоенное "и" такого эффекта не дает, поэтому как-то было принято "ие".

— Теперь уже принципиальный вопрос: как ты стала собственно Ниенной?

— Была очень занятная история. Я увидела (после того, как была написана история Последнего Правителя — это по Четвертой Эпохе),—я увидела, кто была его мать. Я поняла, что это была я. Имени я не знала; я пришла к своей напарнице, рассказала ей об этом. Она на меня посмотрела каким-то абстрактным взглядом и сказала: "А ты знаешь, как ее звали?". Я говорю: "Ну как?". Она сказала: "Ниенна". Я челюсть на место поставила и сказала: "Правильно". Этим

в письмах о Мелькоре как о дьяволе, как о Люцифере, как о сатане, я ради разнообразия просто попыталась провести аналогию между ним — и Христом.

— Получилось?

— Получилось! Потом мне пришло письмо, в котором было написано: "А почему вы считаете Мелькора Христом?". В "Воине Гнева" где-то это просматривается, хотя единственная фраза, которая взята там действительно из Евангелия от Иоанна, это "Что делаешь — делай скорее". Во Второй Эпохе будет эпизод, который построен как проповедь, причем проповедь чернушника, именно чернушника в понимании этого мира, сатаниста в понимании этого мира: проповедь, построенная на Библии.

— Это уже написано?

— Да, это уже написано.

— В книге выйдет?

— Это будет во Второй Эпохе. Я не знаю, когда выйдет эта книга, мы ее еще не сделали. А что касается Христа и Люцифера... Ну вот представился разговор, разговор между Мелькором и Христом, где Христос говорит такую фразу: "Мой старший брат, хранитель мира..." — "А кто твой старший брат?". — "Люцифер". Была такая вещь. Довольно странная... На самом деле Профессор Библией пользовался, влияние Библии в Смльмариллионе прослеживается очень отчетливо и

поэтому мы считаем себя в праве какие-то вещи из Библии тоже брать. В Первой Эпохе будет небольшой монолог Хурина, который написан в общем-то по Библии и начинается с “Горе тебе, Гондолин, город крепкий”.

— Ульдор [Слава Гончаров] как-то сказал о тебе: “Ее бы талант да на благие цели...”. В связи с этим мнением, довольно распространенным, возникает вопрос: на чью мельницу льет воду Хиенна?

— Ни на чью мельницу. Моя напарница когда-то, когда я ее спросила, почему она этим занимается (ведь это не ее мир — у нее есть другие миры, она пишет о них то, что она называет сказками, а в Арде она себя не видит), я спросила, почему она все-таки продолжает писать, на что она мне мрачно ответила: “Из чувства справедливости и больше не будем об этом говорить”. Мы согласились на том, что из чувства справедливости. Я, наверное, где-то тоже, ну а кроме того, я все-таки из того мира и я — черная. И там, и здесь.

— У меня заготовлен вопрос... такой напыщенный... Можешь ли ты сказать о себе: “Тьма — путь мой”?

— Это очень сложно рассказать. Это сложно объяснить, но не сложно объяснить почему. Вернее скажем, объяснить легко, объяснить можно в две фразы, первую из которых я довольно-таки открыто произношу, вторую я не произносила практически никогда, но бог с ним, пускай оно будет. Первая — это то, что Мелькор мой учитель. Вторая — то, что я его люблю.

— Меня смутило в самом начале разговора, когда ты рассказала, как вы начали писать, — это выглядело достаточно легко. Мол, почему бы не написать.

— Просто потому, что это началось. Мы начали видеть. То, что мы действительно видим, а не придумываем, мы поняли несколько позже. Когда начинаешь писать эпизод — вроде бы все уже решили, что это пойдет так, так и так, а потом перечитываешь и выясняешь, что все у тебя пошло совсем по-другому и понимаешь, что это было так, а не как ты пытался придумать. Мы просто не можем ничего придумать. А что касается того, что легко... Мы за это довольно тяжело расплачиваемся. Я никогда не думала, что попаду в ситуацию из “За миллиард лет до конца света”. Тем не менее я в нее попала. Потому что один, два, три раза это могут быть совпадения, но дальше это уже не совпадения, это закономерность. Когда пишешь эпизод и после этого через день, два, максимум через неделю получаешь какие-то довольно суровые неприятности. Вроде бы никак от этого не зависящие, вроде бы вполне житейские. Ну вот как температура под 38 под утро ни с чего! Летом — и ни с чего! Ни простуды, ни кашля, ни насморка, просто температура — у меня вообще не бывает по утрам температуры. Даже когда я болею.

За все нужно расплачиваться; наверное, и за это нужно расплачиваться.

Если взбрдет говорить высоким стилем, то можно назвать силу, которая нам мешает. Это то, что называется Серой Силой, силой Пустоты.

Вообще заметно на самом деле — в какие-то моменты просыпается что-то такое, если так можно сказать, гусарское: “Ну че ты еще можешь сделать?!” — такая бравада. Потом начинаешь высчитывать, что еще можно, по чему еще не били, а через некоторое время это случается. И самое тяжелое для меня — это то, что в последнее время это

случается не со мной, а с людьми, мне близкими. Не с друзьями (друзей у меня нет), а просто с близкими мне людьми.

— Вы будете еще писать?

— Да. Да, будем, и моя напарница останется после этого жить и писать свое, а я поступлю по рецепту Умберто Эко: "Автор не должен стоять на пути своей книги". Я думаю, что уйду и очень скоро, после того, как будет написана и издана последняя, по Четвертой Эпохе.

— Можно, я не буду это публиковать?

— Можно. Хотя... я не знаю, на самом деле я многим об этом говорю. Я понимаю, что ребята мне не верят. Я не боюсь смерти, я приняла как данность то, что именно так и будет. Я сделаю все, что я должна сделать. А дальше... Я поняла что будет дальше. В какой-то момент, года три назад, я по глупости перечитала те эпизоды, которые должны стоять в книге последними, прочитала подряд и именно в том порядке, в котором они должны быть, и я почувствовала то, что будет. Будет пустота. Все. Я пустая. Больше ничего нет, больше я ничего не могу написать, не могу сделать. Просто незачем жить.

— Мне кажется, это входит в противоречие с тем, как, скажем, поступил бы Мелькор.

— Учитель был все-таки бессмертным Валой. А я человек. Рано или поздно я все равно уйду. А когда я уже ничего не смогу сказать — ну зачем мне жить? Уже было, и я это знаю и я это помню. По последней жизни я просто определила срок для себя. Вот та Ниенна-проповедница, которая была ТАМ, Низнах, она отмерила себе еще 16 лет. Эти 16 лет прожила, после чего умерла от скоротечной чахотки — меня очень забавляет, что у меня самой предрасположенность к туберкулезу.

— А вот эта твоя жизнь, эта тусовка — ты посещаешь ее, играешь видную роль в ней... Я разговаривал с Ладыженским и выслушал пламенную речь против всякого рода тусовок, которые по определению есть бессмысленное и бесполезное времяпровождение. Главный аргумент его был тот, что из тусовок нет никакого практического выхода.

— Я так не думаю. Это может быть, действительно, бессмысленным времяпровождением для многих, но я встречала здесь людей (и надеюсь, что еще встречу), которые пишут что-то свое, которые пишут стихи, или прозу, или песни. Которые просто делают что-то свое. И к этому они, как ни странно, пришли именно благодаря этой тусовке. Может быть, это просто дает какой-то импульс к действию. Так что это не совсем бесполезно. Потом, здесь все-таки можно пообщаться, ведь не со всяким же общаешься, а с человеком, который тебе близок по духу, который тебе интересен. Здесь каждый может найти себе дело по интересам.

— Говорят, ты оказываешь сильное давление.

— Нет. Я не оказываю давления. Но не мне об этом говорить. Вот девочка, которую я называю сестрой, сказала мне как-то такую фразу... Я думаю, что оценки выше просто быть не может. Она сказала: "Ты знаешь, благодаря тебе я поняла, что я человек". В этом отношении — может быть, сильное давление. Потому что когда я ее встретила, это была девочка, которая смотрела на меня большими более или менее ясными глазами, девочка, которая любила сидеть у моих ног и слушать.

— Это про нее Ульдор говорил, что она твоя тень?

— Ульдор должен был про нее

рассказывать, но она не моя тень. Она действительно очень меня любит, я не знаю, чем я это заслужила, но тем не менее это так. Она действительно меня любит, она готова сделать для меня все, что угодно, но вот по счастью каким-то образом я ее умудрилась убедить, что нужно записывать то, что она рассказывает и сейчас она пишет. И помоему, это выше уровня той фантазии, которая сейчас выходит и у нас и на западе, коль скоро я занимаюсь переводами. Она нашла что-то свое. А начинала действительно с того, что если бы ее назвали моей собакой, она бы не обиделась. Мне это очень не нравилось, я постаралась вывести ее из этого состояния и, кажется, мне это удалось. И вообще, была когда-то сказана такая фраза, что каждый в общении со мной проходит "период восторженных глаз". Когда смотрят и только слушают. И больше ничего. Это проходит. У кого-то чуть раньше, у кого-то чуть позже, но это проходит и каждый человек находит что-то свое. И я прилагаю некоторые усилия, чтобы людей убедить, что это свое у них есть. Что бы это ни было. Фехтование, бой на железном оружии, или стихи, песни, проза — в общем, это не важно. Главное — что это что-то свое.

— Имеешь ли ты что сказать о Перумове?

— Имею. Эта книга написана (оба тома) отвратительным языком. Это не русский язык. Это хуже любого перевода и я не понимаю, почему именно об этом никто не говорит. Пытаются говорить о какой-то идейной стороне и прочее, а на мой взгляд, главное то, что ну нельзя сказать: "На нем был серый камзол, поверху отороченный простым белым воротником". "Они узнали англосаксов воинов по сбруе и подковам". Это не лезет ни в какие рамки и это уже не

русский язык. Я все понимаю — он технарь, он отучился в институте, он отработал — сколько он там говорит — семь лет по специальности. Потом он начал писать. Если он делал переводы Толкиена такие же, на том же уровне, то лучше их не читать.

— Это все, что ты можешь сказать о Перумове?

— Ну а что можно еще о нем сказать? То, что у него действие безумно затянато; то, что в каком-то питерском журнале была его статья, где он удивлялся тому, что его не бьют за этого самого Орлангура, золотого дракона, — его не нужно бить! Зачем? Он просто взял этого дракона из Земноморья Урсулы Ле Гуин. Только и всего. У него масса заимствований из исторических авторов, даже не заимствования — он дерет оттуда цитатами описания сражений. Вон Боря Батыршный мог бы больше об этом сказать, он этих авторов читал, он сказал, что если ему дать эту книгу и у него хватит терпения, он просто отметит все содранные откуда-то цитаты. Мне это не нравится. Кроме всего прочего, там очень затянато действие, значительно больше, чем у Профессора и я согласна с Переслегиным в том, что он не развил ни одного из достоинств Толкиена, зато воспринял все недостатки и развил их. Вот это у него есть.

— Каковы недостатки Толкиена?

— Если говорить о "Властелине Колец"... Кстати, вот в этой пародии, которая вышла как "Тошнит от Колец" (тут придумали перевод "Тошнилин Колец", это было бы правильнее), я ее читала в оригинале, она очень смешная, но очень грязная, и если забыть об этой грязи — там спародировано все. В частности, там спародирована структура "Властелина Колец". И сделано это так: первая часть, которая у Толкиена

охватывает наибольший отрезок времени и наиболее динамична, там занимает две трети книги, а вторая и третья части, которые у Толкиена затянутые, занимают оставшуюся треть книги. Вот эту затянутость он у Толкиена взял. То, о чем Наталья говорит: “Уперто светлый”, — это он у Толкиена взял. То, что Радагаст говорит этому самому хоббиту Фолко: “Иди и убей Олмера”, человека, который пока еще ничего плохого, кроме хорошего, этому хоббиту не сделал, — и хоббит покорно идет его убивать. Именно как “уперто светлый”, потому что ему сказали, что это враг. Ну, значит, вперед. Кроме того, есть такая вещь: на мой взгляд, Перумов просто плохо знает Профессора. Или мало читал, или невнимательно читал, потому что по одному Сильмариллиону можно восстановить второе пророчество Намо (“О Дагор Дагорат”, — это, кстати, пишется с одним “р”), чтобы восстановить его полностью, нужно еще перерыть последующую литературу, т.е. “Забывшие сказания” (или “Утраченные сказания”, “Lost Tales”) и “Потерянный путь” (“Lost Road”), и, по-моему, еще “Создание Средиземья” (“Shaping of Middle-earth”) — по этим книгам можно восстановить второе пророчество Мандоса, но и по Сильмариллиону видно, что эта “Дагор Дагорат”, последняя битва конца времен, будет сражением между Мелькором и всеми остальными Валар. Об этом Перумов на минуточку забыл. Так же, как он забыл о том что Кирдан если и принимал участие в сражениях, то в одном-единственном — Вторая война Кольца, конец Второй Эпохи; он называет его великим воителем, каковым Кирдан никогда не был. И он у него не Кирдан, а... Ему вечно достается: у Гиль Эстель он Цирдан, у

Муравьева он Сэрдан, здесь он Кэрдан, а в конечном варианте, в статье, которую я читала, опять же Перумовской, он — Кирдэн. Хотя по правилам эльфийского языка имена произносятся так же, как пишутся, его имя — Кирдан. Все остальные варианты просто не переводятся ни на один мыслимый язык. Я не знаю, что такое “Арчедайн”. Я знаю, что такое “Артэдайн”, но это княжество, существовавшее до восьмисотого, примерно, года Третьей Эпохи, и надвратной башни у него ну никак не может быть. У Перумова это упоминается: “Надвратная башня Арчедайна”. Я не понимаю гномов, которые, по Толкиену, во-первых, не очень любят эльфов, во-вторых, скуповаты, в-третьих, не любят коней; тем не менее у Перумова гномы защищают эльфов, причем не потому, что эти эльфы им что-то такое дали, а просто из, видимо, великой любви; гном платит хоббиту в качестве моральной компенсации за потерявшегося пони шесть золотых монет и еще спрашивает, устроит ли это почтенного хоббита, а потом идет разysкивать его пони; и гном во весь опор скачет на коне. Я этого не понимаю, я помню, как Гимли страшился сесть в седло. На мой взгляд, это просто пренебрежение профессорскими текстами.

— Ниенна, есть большая проблема неадекватных переводов Толкиена. Не переводила ли ты?

— Нет, я не переводила. Здесь позволю себе несколько меркантильные интересы: если мне за это заплатят хорошие деньги, я согласна перевести Сильмариллион, потому что мне самой по себе это не интересно. Я учила английский язык 14 лет, это мне позволяет читать Толкиена в оригинале,

это мне позволяет, я надеюсь, адекватно переводить цитаты, когда они нужны, а переводить целиком какую-либо книгу Толкиена я просто не хочу — мне незачем. А переводы — да, они неадекватны.

— Какой перевод ты можешь назвать наиболее удобоваримым?

— Удобоваримый... Не знаю, сейчас мне сложно сказать. Самым живым из переводов “Властелина Колец” был перевод Муравьева и Кистяковского, но Кистяковский умер, а третья книга в издании Муравьева не похожа вообще ни на что. Когда я прочла этот вечный камень преткновения, эту фразу Эовин, когда она стоит перед королем назгулов и называет его “Foul dwimmerlaik Lord of Carrion”, ну в нецивильном переводе это самое “Foul dwimmerlaik” будет “глук поганый”, это вполне согласуется со староанглийским языком, просто это слэнговый перевод, — и тут я вижу перевод “гнусный вурдалак, пожиратель падали”. Но если “Lord of Carrion” — пожиратель падали, тогда “Lord of the Rings” — пожиратель колец. Нужно соблюдать какое-то единообразие. А насчет гнусного вурдалака... тогда я понимаю, что ему понадобилось от Тэодэна, который полупокройник. Он его не добить хотел, он хотел кровушки попить. Но это была полная ахинея. Первые два тома — вполне удобоваримый перевод.

— В каком это было издании?

— В “Радужном”. Григорьевский перевод очень гладок. В каком-то, шестьдесят восьмого, что ли, года “Огоньке” была эпиграмма, которая заканчивалась словами “стих так гладок, что мимо памяти скользит”. Так вот Григорьевский перевод скользит мимо памяти, но с Григорьевой я имела разговор, и когда я ей указала на

несоответствие ее перевода тексту, ибо в тексте Профессора написано: “Не осталось к западу от гор (речь идет об Ангмарской войне) ни человека, ни орка”, у нее написано: “Не осталось в войске короля-чародея ни человека, ни орка”, — разница существенная все-таки, — она сказала: “Русский читатель этого не поймет. И почему вы мне не говорите, что выброшено несколько фраз из монолога Фарамира?”. Я потом нашла эти фразы. В этих фразах говорится о том, что люди делятся на людей Света — нуненорцев (Верных), гондорцев, на людей Сумерек — например, Рохрим, и на людей Тьмы, прислужников Врага, южан, исторлингов и прочих. Она действительно это выкинула. С той же точки зрения, что русский читатель этого не поймет. Я считаю, что переводчик не в праве за меня решать, пойму я это или нет. Она как аргумент привела то, что к ней пришел какой-то ее знакомый и сказал: “Я прочитал Толкиена, я все понял: на юге и востоке сволочи, бей их, бей”. У меня почему-то таких знакомых нет. И более того — в тусовке я с ее основания, т.е. три года и за все три года я не видела человека, который такое бы говорил. Но вот Григорьева, вероятно, ориентируется на таких. А кроме всего прочего, в Сильмариллион меня совершенно потрясла фраза... Я ей тихо сказала: “Почему вы так перевели?”. Дело в том, что в оригинале эта фраза звучит как “Из железной короны его сделали ошейник ему”, а у нее вместо “ошейник” написано “хомут”. Я спросила: “Почему вы переводите “collar” как “хомут”? Она спросила: “А как надо?”. Я со своим знанием английского тогда порядка двенадцати лет сжалась в комок и сказала: “Вообще-то это ошейник”. Она высокомерно на меня

посмотрела и сказала: “Не вижу разницы”. После чего мне оставалось только уйти на кухню курить — больше я ничего не могла сделать. А транскрипция роханских имен — я никогда не слышала, чтобы их путали с эльфийскими именами, начинающимися на “эл”. Дело в том, что “зох” — в староанглийском корень, означающий “лошадь”. Она это транскрибирует как “йо”. В результате: ладно, “Йорл”, “Йовен”, “Йомер”, но “Йомунд” — это уже ругательство. Это звучит совершенно непристойно, при том, что этого самого волкодава валинорского Хуана она превратила в Гана. Ради благозвучия. А Хэрумора — в Эрумора. Опять же ради благозвучия “с точки зрения русского языка”. Не понимаю я мадам Григорьеву. А Гиль Эстель мне просто жалко — да, у нее очень плохой перевод Сильмариллиона. Но это женщина около сорока лет, весьма располневшая, одинокая, у которой есть какие-то приятели, которая называла себя до последнего времени Фарамиром, говорила о себе исключительно в мужском роде. Теперь она какой-то эльф, кажется, тоже мужского пола. Мне ее просто жалко. У меня не повернулся язык сказать, что ее перевод плох. Юра Сорокин из Уфы сказал, что жалость нас всех погубит. И она нас всех погубит. Мне ее просто стало жалко.

— Ниенна, а сколько тебе лет?

— Биологических — 24. Я этого особенно не скрываю. Мне на Уфе сказали одну занятную вещь. Рассказали такой анекдот, правда, анекдотец родился день этак на третий Игры или четвертый и я им охотно верю, что я так выглядела. “Слушай, а сколько Ниенне

лет?”. — “Ну, где-то бальзаковского возраста”. — “А поточнее?”. — “Ну, лет 37”. Когда я это услышала, я медленно сползла на землю и сказала: “Ребята, мне на 15 лет меньше, вы что?”. Так что всяко бывает.

— Ниенна, ты одеваешься весьма так.. Выразительно. Это имеет какое-то значение?

— Мне это нравится. Черный цвет я просто люблю. У меня большинство вещей из одежды черного цвета. А плащ.. Я не знаю, мне просто нравится, мне в этом удобно.

— А твой сиреневый цвет? Как называется этот камень в перстне?

— Аметист? Я люблю этот камень.

— У тебя феньки..

— Вот эта? А-а.. Это мне девочка сплела, когда я просто не смогла носить часы на нормальном ремешке, там была своя история.. Ну бывает у меня такое.. Синдром Книги. Я понимаю, что все это, вероятно, наведенка, но я действительно под сильную нервотрепку начинаю хромать на левую ногу, у меня болят запястья, а если болит голова, то обречем..

— Это похоже на стигматы?

— (Вздыхает, показывает запястья).

Ну нет же.

— Параллель можно провести?

— Параллель.. Ну скажем, так. То, что это имеет под собой основу чисто психологическую — и то, и другое, — это да. Так что здесь провести параллель можно. Не знаю, как-то так получилось — я не обращаю на это внимания до тех пор, пока мне в это не тъкают пальцем периодически. В свое время под какую-то сильную нервотрепку мы шли с моей напарницей к метро и она мне сказала: “Тебе плохо, что ли?” Я говорю: “Да, вообще-то не очень, а что?”. Она говорит:

“На левую ногу хромаешь”. Тут я осознала, что это действительно так.

А это — просто что-то было с левым запястьем. Может, просто краска в ремешке от часов, не знаю. Я попросила сплести мне браслет, дала вот этот самый черный бисер рубленый. Она мне сплела браслет для часов. Она сама такой же носит, только белый с серебром. Мне вот сделала черный.

— А что означают руны на этой фенъке?

— На ней написано “Элхэ”, это мое первое имя. По счастью, никто, по-моему, кроме Ласа, так не называет. Я рада.

Это мое первое имя, это мое первое рождение. Первое имя звучало как Эленхэл, а вместо звездного имени было Элхэ. Дело в том, что у Эльфов Тьмы был такой обычай: в 14 лет где-то, от 12 до 14, но обычно в 14, когда человек избирал свой путь (они были люди по праву выбора), понимал, кем он будет в жизни, он избирал себе звездное имя. Звездное потому, что оно начиналось со слова “звезда”, т.е. начиналось на “гэл” или на “эл” и оно указывало на путь человека. Это могло быть по знаку пути, как имя Гэлрэн [Гэлрэн] (крылатая звезда), а девятилучевая крылатая звезда — это знак менестрелей (там), а могло быть как Гэлланс (звездное кружево, снежинка) — кружевница. Я вместо звездного имени выбрала имя Элха. Это был один из немногих, если не единственный, случай — меня так называл Учитель. Я действительно не люблю, когда меня так называют и сразу предупреждаю, что так меня называть не надо. Это мне тяжело, это мне больно, так меня называл он и пускай так оно и остается.

— Ниенна, у меня такой дилетантский вопрос: я не очень понимаю, как связаны

Арда и Земля наша.

— Я не знаю. Я не очень разбираюсь в связях миров. Вероятно, какая-то связь между Ардой и нашим миром есть, коль скоро появился Толкиен, визионер (это в общем-то признано), который видел этот мир и о нем писал. Ну, может быть, это единственный мир, в котором что-то пишется об Арде.

— О тебе можно сказать, что ты визионер?

— Наверное, да. Коль скоро я сама говорю, что мы видим.

— И твоего соавтора тоже касается?

— Да. Она тоже. Но она видит со стороны, а я изнутри. Мы сами это понимаем. Она говорит, что ее там нет. Я там есть.

— Она видит?

— Она видит. Но она видит и свое, а у меня больше своего нет, кроме Арды.

— Толкиен тоже был со стороны?

— Возможно. Я не знаю. Как-то раз помстилось мне, что же он все-таки получил после смерти. И было это, наверное, для него очень скверно. Мы в свое время это даже написали — пролог, эпилог, проходной разговор, который был связкой между Третьей и Четвертой Эпохой. Между тем периодом времени, который Профессор описывал и тем, о котором он не говорил ничего. И помстилось мне, что встретится он все-таки с тем, кого он наиболее не любил. Встретится он с Мелькором. И что будет ему сказано: “А вот теперь смотрите — моими глазами”. Как когда-то это было сказано Хурину: “Моими ушами ты будешь слышать, моими глазами видеть и ничто не будет скрыто от тебя”. Так, подумалось мне, могло быть сказано и Профессору. И, наверное, тогда было ему очень плохо. Потому что исправить уже ничего нельзя, потому что то, что сила мысли — великая сила и то, что

думы об Арде в этом мире влияют на тот мир так или иначе. Не событийно — чисто по соотношению сил.

— Грубо говоря, он навредил.

— С его точки зрения, нет. С его точки зрения светлое дело правое. То, что он называл Светом. Так что с его точки зрения он все сделал правильно. Но... Тоже как-то мы попытались представить себе мир, описанный Толкиенным, и мы поняли, что этот мир ущербный и жить он дальше просто не может, потому что там просто нет одной из сторон бытия — там нет Тьмы. Фактически. Вот все — закончилась Третья Эпоха, зло из мира изгнано, Тьма из мира изгнана. После этого мир должен просто умереть. Настолько в нем нарушено равновесие. Оно там и так нарушено.

— Здорово как получается: все козлы, спасение только в Мелькоре.

— Нет, все спасение в понимании. Не тыкать пальцем и говорить: вот он враг и слушать я его не буду, а попытаться понять. У Профессора получается очень любопытно: добро — только те люди, которые живут на Западе. А те, что живут на Севере, Востоке и Юге (это наверняка большинство!) — они все прислужники Врага, они зло.

— А по-вашему не получается ли то же самое с обратным знаком?

— А что касается обратного знака, была такая штука: видела я писание, которое называлось “Мелькорквэнта” и было оно написано именно с точки зрения “минус на плюс”. И где-то я, наверное, обрадовалась, потому что поняла, что мы пишем не это, мы пытаемся понять и тех и других. И светлые правы в чем-то, и черные не правы в чем-то. Нет там абсолютной правоты. А дело, в общем-то, только в

непонимании, которое разделяет Запад и все остальные земли как огненный меч. Так ведь это очень просто — ткнуть в кого-то пальцем и сказать: вот он Враг. Вот от него все зло. Все — болезни, поветрия. Сколько их было в Средневековье? Но кто это насылал? Язычники, которые враги? Дьявол — абстрактная фигура по Библии? Войны, все, все это — от него! Во Вторую Эпоху Нуменор, в общем-то, колонизаторы. Они приходят в Средиземье, сводят леса на громадной территории и удивляются тому, что люди, которые жили в этих же лесах, бросаются на них с мечами. Как это так, мы такие добрые, хорошие, мы сюда пришли, чтобы быть их учителями, а они вот так! Они ведут войны на Юге. Ханатта (Ближний Харад) не начинает войны с ними первыми. Войны начинают они. И тем не менее — вот они, черные сволочи, прислужники Врага. Собственно, Саурон и сдался нуменорцам, чтобы избежать войны. Им нужен был только один. Этот один к ним и вышел. И этот один потом сидел три года в кандалах в Нуменоре. В тюрьме. Пока государь Ар-Фаразон, отчаявшийся в своих целителях, понявший, что ему плохо-плохо и наследника у него нет, не подумал: “А почему бы мне к ЭТОМУ не обратиться?”. И обратился. Все войны с Харадом начинает Запад, начинает Гондор. Тем не менее южане — подлые враги. Они ходят в “великие походы” на Восток, где, сколь известно мне, пять княжеств, остатки когда-то могучего королевства, которого уже не существует, противостоять войску Гондора они уже не могут. Гондор их бьет и радостно на двести лет учреждает великую победу над подлыми прислужниками Врага.

— Они козлы.

— Они не козлы! Они считают, что они правы. В рамках своей идеологии они

действительно правы. Мы светлые, мы единственно истинные... ну как христианство, собственно говоря, устанавливали огнем и мечом. То же самое делают и они, только это поклонение Валар. А что Югу дали эти Валар? Кроме войн, кроме несчастий, кроме крови? Кроме этой волны, которая после гибели Нуменора прошлась и по их побережью?

— Можно продолжить эту цепь аналогий: что дало нам христианство?

— Мне как-то одна американка... Мы с ней так занятно встретились — ей нужно было узнать, как до какой-то станции доехать и мы с ней немножко разговорились, а я как раз ехала в иностранку и как раз читать “Утраченные сказания”. Оказалось, что она тоже читала Толкиена, я рассказала ей об имени Мелькор. Она пожала плечами и сказала: “Но Христос же говорил: «Я есмь любовь»”. Фраза до меня дошла не сразу, фраза меня совершенно ошеломила. Оттуда и пошли это безобразие: “А почему вы не хотите предположить, что он Христос”. По-моему, главное в христианстве именно это, именно любовь и любовь к людям. И милосердие. Это дает очень много. Ну скажем, мы ведь не знаем точно, что ОН говорил, ведь первое Евангелие было написано через сорок лет после его смерти. Остальные еще позже. И остальные писали уже не очевидцы. Те, кто его не видел, не знал, те, кто знали только по рассказам. Я думаю, что именно от этого пошло, что “не мир я вам принес, но меч” — у Стругацких великолепная игрушка “не мир я вам принес, но мечту о мире”. На мой взгляд, Христос — это человек, которого в то время не могли понять. Как ни странно, его, наверное, не

поняли бы и сейчас. С этой вот его проповедью любви.

— Человек?

— Да. Человек. Там, в “Апокрифе”, есть такая вещь, которая называется “Тайная вечеря”, есть там такие слова: “Я сын земли, и кровь ее вино, а плоть ее — благословление хлеба. Я человек, а не сошедший с неба бессмертный бог. Воскреснуть не дано”. Для меня он человек. Не сын божий, а сын человеческий.

— Но почему?

— А-а-а, была такая забавная штука в свое время, именно “Забавное Евангелие”, где хорошо повеселились над этим. Как бы он мог не испытывать страданий, а отыграть то, что он страдал на кресте. Он был человек, он был один из многих... Основа была неплохая, основа была, собственно говоря, учение ессеев, насколько я понимаю. Но учение ессеев более жестоко и в общину ессеев не допускались калеки, не допускались женщины, не допускались грешники. А ведущие принципы там были очень близкие и был там такой, которого называли Учителем Праведности и помнится мне, по легендам ессеев он тоже был распят.

Не знаю, наверное, все-таки для меня это главное — любовь и милосердие. Говорить о любви и милосердии в мире, в котором кровь и войны, в котором твой народ поработен — это... Это тяжело, это непонятно. Христианство дало вот это, а великая инквизиция разгорелась из “горящих угольев” апостола Павла. “Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие соберешь ему на голову горящие уголья”.

— Где это?

— По-моему, это “Послание к римлянам” апостола Павла [12:20]. Вот

наверное оттуда все и пошло. Апостол Павел — фигура немаловажная, но Савл как был фанатиком, истреблявшим христиан, так и остался фанатичным христианином. А фанатиков я не люблю никаких. У Нодара Думбадзе в “Зако́не вечности” есть такие слова: “Нельз́я видеть Бога во сне, бывают лишь явления Господни”. Значит, Христос мне являлся. Я видела его с его учениками. Во сне. Я не видела его лица, потому что ровно у него за головой стояло солнце, был просто темный силуэт. А вот учеников его я видела. Иоанн, восторженный мальчик, ничего не записывал. Он просто слушал. Смотрел огромными глазами на учителя и слушал. А Петр ничего не писал, ибо был неграмотен. А руки у него действительно — руки либо крестьянина, либо рыбака — все, что угодно. Довольно грубые, широкие ладони и короткие пальцы. Черная борода, черные волосы и лысоват. А Иуду я не помню, помню только руки. Руки очень нервные, очень тонкие. Вот он записывал. И я так и не узнала, что он писал. И был еще какой-то, такой... как бы сейчас сказали “весьма интеллигентный” по облику. Этот тоже записывал, и вот кто это — я не знаю.

— Ниенна, популярный вопрос: об Иуде.

— Что-то в “Апокрифе” сказано об этом... А есть ведь такая версия, что он действовал где-то и из любви к учителю, где-то из-за того, что он понял, как он думал, истинные цели. Он решил, что сейчас будет битва, а потом будет восстание, поэтому и привел солдат. По крайней мере не из-за денег он это сделал. Может быть, как у Стругацких — ибо было ему сказано. По крайней мере не из-за денег потому, что он был казначеем этой маленькой общины. Я где-то выяснила в одной из книг. Ему

просто было незначем. Тем более тридцать сребреников — это сумма меньше, чем платили за раба. А почему — я не знаю, я просто не занимаюсь этим сейчас. А вообще, конечно, было бы интересно. По-моему, он просто чего-то не понял. И скорее не испугался, а он считал, что раз этот называет себя царем иудейским, значит, он и должен стать истинной властью. Значит, должно быть восстание, а все предпосылки к этому были. Я думаю, он просто запутался. А когда увидел, что вышло... Самоубийство по Библии — тяжкий грех. Он не мог этого не знать, тем не менее он на это пошел. Думаю, что это действительно человек, который запутался и не смог после этого жить. Когда понял, к чему это все привело.

— Ты все-таки воспринимаешь Библию как историю человеческих деяний.

— Да. Там где-то мифологизированно, это конечно. Где-то это просто предания о том, что было. Ну собственно, как Сильмариллион.

— А Сильмариллион?

— А Сильмариллион — это среднеземская Библия.

— А Мелькор?

— Ха-ха-ха-ха... Там очень интересная ситуация. Я уже говорила о том, что его первое имя Алкар. Люцифер. Там сложилась очень интересная ситуация действительно, потому что есть Бог-Отец, Эру-Илуватар; есть Дух Святой (сам Профессор писал о том, что Дух Святой — это Неугасимое Пламя, горящее в сердце мира); а Христа нет! Все предпосылки для этого есть. Сильмариллион — это Ветхий Завет. Теоретически дальше должно пойти — либо Новый Завет, либо все-таки Сильмариллион заканчивается Апокалипсисом. С этой точки зрения

Мелькор, конечно, диавол, который будет отвержен в огненное и серное озеро, где зверь и лжепророк и там они будут мучиться вечно. Если я об этом еще не говорила, там достаточно сопоставить две фразы — из Айнулиндалэ: “Огненные вы жизнь этого мира и он ваша жизнь”, и вторая из Квэнта Сильмариллион из последней главы, где говорится, что Мелькора вышвырнули за пределы мира. Он не может там жить, ибо мир — его жизнь. Так изрек Илуватар. Но он не может умереть, ибо он Айну. Он бессмертен. Состояние между жизнью и смертью — это либо кома, что вряд ли, либо агония, что скорее всего. Не может быть комы по многим причинам. Потому что у Валар нет болевого предела. Потому что вот так с ним получилось, что раны его не заживали. Потому что, потому что, потому что... Вот вам озеро огненное и серное и будет он там мучиться вечно. Это продолжалось тридцать пять лет, но это уже второй вопрос, это уже Я говорю, а не Профессор. Этих тридцати пяти лет и так было достаточно. А с другой стороны, даже с той точки зрения, что Илуватар говорит “ни в замыслах, ни в деяниях ваших нет ничего, что не имело бы своего абсолютного начала во мне” — Зло, которое по Сильмариллион несет Мелькор, тоже имеет свое абсолютное начало в Илуватаре, все остальные — благие... Получается, что все зло он из себя изгнал, воплотил в старшем из Айну и сделал его мальчиком для битья. И в конце концов отдал его на казнь — на казнь страшную. Вот “И отдал Господь сына своего...” и поехали.

Нет, можно и поиграться. Можно очень легко и по Профессору доказать, что Мелькор — это сатана и, может быть, с чуть-чуть большими сложностями, но тоже по Профессору, доказать, что Мелькор — Христос. Я не принимаю ни ту, ни другую точку зрения, и то и другое для меня — это так,

логические развлекаловки. Он сам по себе, он просто есть. Он был Учитель. Он прошел сквозь смерть, он стал Хранителем Мира. Теперь он Творец. Он изначально Творец, но Творец должен получить право творить. И он создаст свой мир. И так будет. И я это знаю.

— Ниенна, возникает такое ощущение, что ты отказываешь нашим земным Иегове, Люциферу и остальным в праве на существование.

— Нет, почему. Есть, наверное, и здесь свой творец.

— Просто ты не знаешь этого?

— Это не мой мир. Он мне чужой, и когда я это до конца понимаю, бывают такие моменты, когда бывает очень тяжело. Не то, чтобы я от машин шарахалась, не понимаю, что это такое, я просто перестаю понимать, почему я здесь. В английском есть выражение, с которого кальки нет — когда говорится, скажем, что это моя родина, говорится “I belong here”. Буквально это “я принадлежу здесь”. Я принадлежу Арде. Я там, там мое место или, по крайней мере, там было мое место, а здесь... Я не знаю. Здесь мне чужое. Да, я занималась истоками христианства, я занималась всевозможными критическими книгами на эту тему. В течении года я прочла все, что у нас было в библиотеке институтской и на третий раз там перестали на меня делать огромные глаза, при том, что я брала, скажем, три книги, две из которых назывались “Истоки христианства”. Я прочла все, включая Робертсона, который совершенно кошмарен, который доказывает, что Христос — первый коммунист. Я делала какие-то конспекты. Я в этом более-менее для себя разобралась. По крайней мере, как на это дело смотрит наука. Была прекрасная совершенно ситуация, когда я заказала книгу “Античные критики христианства” и выяснила, что эта книга была издана в сороковом году, в

великолепном состоянии, до меня ее брали три человека. Все. Она сейчас вышла, есть переиздание, переиздание у меня стоит, но я до сих пор с удивлением вспоминаю — там действительно было довольно-таки интересно все это написано. Я этим занималась, да, но... У меня есть моя работа, у меня есть мой мир и теперь я занимаюсь этим. Да, у меня вместе с профессором Толкиеним на рабочей полке (с Толкиеним в оригинале, разумеется) стоит Библия. Да, я ею пользуюсь. Да, я этим занимаюсь. Вот так — применительно к своей работе. Но не больше. У меня нет времени, нет сил этим заниматься, этим нужно заниматься настолько же серьезно, насколько и моей работой. Я не могу себе этого позволить. У меня не так много времени.

— Ниенна, в тот раз я наблюдал, как ты, когда заварили чай, требовала для себя, как обычно, одну заварку, как ты куришь, прикуривая одну сигарету от другой, как ты водку пьешь...

— А что водку, господи боже мой... Я все думаю, как человек может допиться до такого состояния, когда он уже ничего не помнит и ничего не соображает. Я все помню. Голова у меня работает, даже если заплетается язык. Все равно. На самом деле это ужасное состояние, потому что я чувствую себя трезвой и вижу, что все вокруг пьяные и всем остальным хорошо! А мне плохо... И потому, что я их вижу вот такими. Как в свое время Керим говорил: "А что я говорил вчера по пьянке?". И на лице его написано: может, все-таки никто не помнит? Этого никто и не помнил, кроме меня.

— Зачем?

— Зачем... Ну, у курения вообще есть несколько преимуществ. Во-первых, никотин действительно несколько успокаивает. Во-вторых, есть такой чисто психологический аспект:

монотонные движения — они тоже успокаивают. А сигарету все время одним и тем же движением примерно через равные интервалы времени подносишь к губам.

И есть еще одна такая вещь: если бы меня не сдали в иняз, я бы пошла в театральный. В театральный на актерский. А вот у этой штуки есть тот плюс, что с ее помощью можно многое сказать о своем состоянии, ничего не сказав. Есть разница хотя бы в том, как человек делает затяжку: либо так... либо так... Сигарета — это действительно очень неплохое выразительное средство. В свое время опять же писалось о том, что можно просто курить и не говорить ничего — вроде как бы это избавляет от необходимости говорить — это мне не нужно.

— У тебя длинный мундштук и очень хорошо видно, как у тебя дрожат пальцы.

— Помимо всего прочего есть у меня такая штука... Есть она у меня с 13 лет и совершенно не зависит от курения. Называется она сердечным неврозом. Это благоприобретенное и лечится оно очень просто, а именно: чистый воздух, лучше в горах, здоровая пища, здоровый сон, никаких стрессов, никаких недосыпаний, никакой нервозности. Я подумала и решила, что это все в наших условиях невозможно, поэтому черт с ним, пускай оно будет. Просто временами у меня болит сердце. Вот это тоже.

Это все нервы, нервы. Нервная система, как сестренка говорит, она у всех нервная. Но это все не страшно. Для меня не страшно. Потому что я знаю, что времени на то, чтобы закончить книгу, мне дадут, а уже остальное мне не важно.

Ниенна

МОНОЛОГ

Что сказать о нас? Работаем вдвоем с Натальей Некрасовой (игровое имя — Иллет). Не люблю слово "напарница", хотя им и пользуюсь: оно предполагает подчиненную связь, а мы — аэли исхани таэл, две (неотделимых) части целого. Чем больше узнаю об Ах'энн, тем больше люблю этот язык. Эта вот фраза предполагает — "неразделимые, как соль и хлеб", а таэл предполагает не только единое целое, но и внутреннюю цельность человека; аэл помимо чисто числового значения несет идею двойственности, здесь — двойственности восприятия мира: с обеих сторон.

Что сказать о нас? Работаем вдвоем с Натальей Некрасовой (игровое имя — Иллет). Не люблю слово "напарница", хотя им и пользуюсь: оно предполагает подчиненную связь, а мы — аэли исхани таэл, две (неотделимых) части целого. Чем больше узнаю об Ах'энн, тем больше люблю этот язык. Эта вот фраза предполагает — "неразделимые, как соль и хлеб", а таэл предполагает не только единое целое, но и внутреннюю цельность человека; аэл помимо чисто числового значения несет идею двойственности, здесь — двойственности восприятия мира: с обеих сторон.

А "соавторами" нас назвать нельзя: мы вообще не авторы. Мы записываем то, что видим. От нас зависит только форма, но не содержание.

Не думаю, что наши анкетные данные особо интересны. Повезло в том, что мы — "технар" и "гуманитарий"; здесь мы дополняем друг друга. В интересах тоже: у Иллет — история, мифология; у меня — немного лингвистики, немного теоретической магии... разумеется, это далеко не все. Работаем сейчас обе переводчицами фэнтези; в скором времени будет выходить "окталога" Дженнифер Роберсон "Хроники Чэйсули": 1, 2, 4, 7 книги перевожу я, 3 и 5 — Наталья. На моем счету еще "Огр, Огр" Пирса Энтони — права на издание купил кто-то в Прибалтике, но никак не издаст; еще на двоих — примерно 2/3 шестой "Дюны".

Что еще... На Игры ездим обе: я — с 92-го, Наталья — с 93-го. Я — одиночкой; Наталья сейчас делает одну из Людских команд на XI—95. Кстати — племя Хамлет, "Светлое".

Называем друг друга паспортными именами: нам это не мешает. То, что говорила о ней в интервью (не умею давать интервью, скомкано и сбивчиво получается, вообще по природе своей пишу лучше, чем говорю, и Наталья тоже) — здорово устарело. То есть, мы уже полтора месяца выясняем, кем была она в Арте; вернее, выясняет она, а я "помогаю": уже привыкли, вдвоем смотреть легче. У меня почему-то проще получилось. Вообще, со всеми по-

разному получается. Свои истории я по большей части сама смотрела и записывала. На моем опыте и выяснили: смотреть вдвоем можно, а вот записывать нужно самой, иначе что-то не то получается. Очень легко “не угадать” что-то — в характере, в словах, в поведении...

“Своих епархий” у нас нет, в общем-то. Может быть сказано: “Этот эпизод делаю я”: споров на этот счет обычно не бывает.

Пожалуй, только с основным текстом “Войны Гнева” по-другому получилось: я зубами скрипнула и сказала — не пуццу. Настолько своим это чувствовала. А так — может быть ситуация, когда, скажем, я пишу эпизод, Наталья дополняет, я правлю, она правит... в результате получается окончательно “совместное творчество”. Но обычно можем четко разграничить: вот это писала я, это — Наталья.

Споров по работе, пожалуй, почти не бывает. По жизни ссора была одна; переживали жутко — обе. Все-таки без малого четыре года вместе пишем, привязались друг к другу. Подругами нас назвать нельзя, сестрами — тоже... Одиночки; вот и держимся друг за друга. Будет тяжело — вытащим, поможем...

Беда в том, что все наши тексты, ходящие по рукам, приписывают только мне. Просто сложилось так: Наталья вообще человек менее “контактный”, чем я. Хотя, по чести, я не люблю больших шумных компаний. Наверно, странно звучит. Что называется, “положение обязывает”. Если всех, с кем хочется поговорить, по одному к себе приглашать... А у Натальи дочке два с половиной года, так что она года полтора вообще “на людях” не появлялась. Петь вот стесняется, а песни у нее хорошие — это я вполне объективно, мы ни друг другу, ни друг о друге не лжем даже “из лучших побуждений”.

“Консультанты” у нас есть. Книги Профессора у Натальи Прохоровой берем, с лингвистикой Синдарин и Квэниа Кэт Кинн помогает, “оружейники” — Ахто (Михаил Штарев) и Гэл (Павел Проказов), по лекарственным травам, драгоценным камням и сплавам металлов — Разнэл (Ирина Шрейнер)... Не хотим, чтобы “ляпы” были. Разнэл и Асты (Марию Микозлян) вообще особо благодарить надо: мы к ним в выходные приходим периодически — работать (обсуждать и “глюков ловить”). Дома не всегда удобно.

Вообще, о нас вдвоем много рассказывать можно: и как встретились, и как все начиналось... А про “кухню” рассказывать не буду: неинтересно, наверно.

Есть еще одна вещь. Я уже не один раз слышала, что то, что мы пишем — жестоко и страшно. Я даже соглашусь: прочтете Первую Эпоху — сами увидите. Я даже объясню, почему так.

Все слышим и читаем о войнах, о том, что — вот, людей убивают... Страшно, что мы привываем к этому. Настолько, что после рассказа о земле, где люди убивать не умеют, один мальчик спросил: “А что же они там делают тогда?” Я говорю: “Живут...” — а сама думаю, что — он же просто не понимает, что такое смерть, а боль и кровь знает только по царапинам и ссадинам. Хотелось показать, как это страшно. Далеко не только затем, чтобы — “Врага пожалели”. Хочется, чтобы просто увидели и почувствовали. Даже если знаешь, что после смерти — Путь, умирать страшно. Больно. Тяжело.

И еще — ведь все это есть в “Сильмариллион”: и Война Могуществ, и слова о незаживающих ранах, и — ни одного упоминания о пленниках из Черных, и Война Гнева. Просто в восхищении великими подвигами и победами этого как-то не видят.

На Уфе (пусть Дина Хусаинова простит меня за упоминание, если это прочтет), когда Мастера размышляли, не закончить ли Игру Войной Гнева, я оскалилась и сказала: тогда уж давайте все по-Профессору, и ошейник из короны — тоже. Взгляд на меня был с ужасом: “Ты что? Ты знаешь, какие у нее зубы острые?!” Еще бы мне не знать. Я ее сама “до ума доводила”, Юрис занят был. “Война” к тому времени уже написана была. Я это *видела*. А Динка на Игре — *представила*. Оказалось — больно. А ведь читали — все; никто просто не замечал. “А Враг... но что нам за дело до боли Врага?”

И “от глюка” в “Войне” много. Меня косвенным образом полгода убеждали, что так и было, что я это не придумала. То стихи “левый” человек принесет — слишком похожие, то рисунок опишут, которого я никогда не делала... Но успокоилась только через полгода. Не меньше всех “добрых” вместе взятых хочу, чтобы так *не* было. Но так было.

Вообще, наверное, если бы я сама у себя интервью брала, то вопросы задавала бы другие. Например: “Ниенна, а почему тебя бояться?” Хороший такой вопрос; сама не знаю, как на него ответить. Я обычно к людям предвзято хорошо отношусь; человек еще очень постараться должен, чтобы это мое отношение к нему изменить. И тогда я, как правило, отхожу в сторону. Просто стараюсь с человеком не общаться. Исключений за все годы было всего четыре — когда я очень конкретно вмешалась; и то в трех из них дело касалось не меня, в общем-то. Ну, “персонажей” еще не люблю — всяких там Галадриэль, Гэндалфов, Сауранов, Назгулов... Не тех, которые на Игре такое имя получили и с существовавшими личностями себя отождествляют, а тех, которые — “зачем-меня-бросили-в-этот-мир-и-стерли-мне-память”. И то вот на первой Защите Имени двух Галадриэль жалко было. Петь обе не умеют, “биографий” своих не помнят, “Аи! лауриэ лантар ласси суруинэн...” (Плачь Галадриэль: “О! золотом облетают листья на ветру...”) на “родном языке” запомнить не могут... но жалко чисто по-человечески; нервничали страшно, одна побелела, другая покраснела, руки дрожат, голоса срываются... я их попросила отпустить с миром, “Высокое Жюри” согласилось.

Я так понимаю: если человек сам что-то делать умеет, он чужим именем не назовется. Сэнту вот, скажем, очень многие знают; Разнэл знают, Илсэ... У них у всех имена свои. Эленхильд (Кэт Кини) — одно из самых “громких” имен в фэндоме.

А то вот тут подводят ко мне парнишку и говорят: это Элвир, Четвертый Назгул. Я обалдела несколько, говорю — “молодой человек, а как ваше имя переводится?”. Молчит, мнется... Уж не знаю, как Профессор к таким отнесся бы; я, на правах человека, который об Элвире писал, “экзамен” устроила. Он пришел через две недели и сказал, что больше так себя не называет. И дальше буду так же поступать.

А что я трактаты по черной магии пишу, порчу навожу, хожу в “астрал”, по Средиземью гуляю, “отнимаю свободу воли”, что я сатанистка и вообще детей ем — так неправда это, не было такого. Это все агентство ОБС (Одна Баба Сказала) в действии. И не понимаю, почему, скажем, если кого-то просто слушают, компанией вокруг него собираются, просто хорошо к нему относятся, наконец, то это просто люди: друзья, близкие, знакомые... А если люди со мной часто общаются, то они — моя “свита”.

У сестренки Раэнэл есть любимый анекдот. “Мне,— говорит,— Светлые сказали: следи за Черными. Я и слежу. Попробуй за ними не последи! либо пепел себе в чашку стряхнут, либо к белой стене прислонятся, либо вино мимо рюмки нальют... А Светлые недовольны, говорят — не так слежу, неправильно...”

А с сестренкой Эйри (Тэмом) вообще грустно было. Очень она переживала: мне, говорит, со Светлыми хорошо, и с тобой мне хорошо, но ты же — Черная!.. А почему должно быть с кем-то плохо? Что, обязательно себе цвет выбирать? А тот, кто “другого цвета” — тот сразу враг? Вот та же Эленхильд — Светлая; и хорошо мы с ней говорим, хотя точки зрения зачастую противоположны. Мы друг друга уважаем. Она мне Первую Эпоху редактировать помогла, индекс имен и названий составлять... И Сэнта — Светлая. Эльгаур, Илсэ, та же Эйри... ну и что? Что, разве мы на разных языках говорим, понять друг друга не можем? К Финроду, Келебримбору, Элендилу я отношусь не хуже Светлых. Было такое пару лет назад: не сошлись мы с Сэнттой во взглядах по какому-то вопросу. Сидим, друг на друга смотрим мрачновато. А дело было на сейшене; я ей портвейна налила, поднимаю рюмку и говорю: я пью за Финрода! Она улыбнулась, просияла... и предложила за моего Учителя выпить.

Вспомнилось мне, что был вопрос насчет “водкопития”. Так вот что: в фэндоме все почти что выпивают, и я — не исключение. Красное вино очень люблю, горячее. Летом — со льдом. Водку — бывает иногда. А с “выдающимися” в этом отношении людьми мне не сравниться — да я и не стремлюсь. Мы тут некую градацию придумали; звучит так: “Колобаев — я так не нажрусь, Капеллан — я столько не выпью... Запорожский — я столько не куплю”.

А вообще я крепкий кофе люблю и чай — тоже крепкий. На Играх обычно “на чае” и живу (к XII—94 это не относится): нормально есть бывает некогда, да и не хочется. А из еды больше всего люблю черный хлеб с солью. Ржаной.

Возвращаясь к “цвету” — я уже не один раз слышала, что я — Светлая. Почему-то всегда просят “не обижаться”. Я не то чтоб не обижаюсь: воспринимаю это как комплимент. Поскольку понимаю, что имеется в виду. А о том, что меня боятся, я вот что скажу: люди из первого и второго круга знакомств (те, кто меня неплохо знает) — не боятся; неведение всегда порождает страх. А слухам и сплетням умный человек не поверит. Можно в крайнем случае подойти и прямо спросить — я отвечу. Лгать не люблю, всегда стараюсь говорить правду. И — нечестно судить, не видя.

Ниенна

АПОКРИФ

Предтеча

Уже и секира при корне дерев
лежит: всякое дерево, не
приносящее доброго плода,
срубают и бросают в огонь.

Матф., 3:10

“Святая церковь Спаса-на-Полини —
Не для рожденных в рыночной грязи!
Я — голос вопиющего в пустыне:
Прямыми Богу сделайте стези!”

Безумие в пустыне одиночеств,
И в диком меде — привкус ананси.
И горькая вода глухих пророчеств
Текла по руслу высохшей души:

“Безликие рабы слепого века!
Прольется кровь Идущего за мною —
Лакайте! Допьяна упейтесь ей!”

Шипастый шар иссохшего кермека,
Слова ессея мчали над землю —
День Гнева предвещавший сухойей.

Торговцы

И говорил им: написано: “дом
Мой домом молитвы наречется”;
а вы сделали его вертепом
разбойников.

Матф., 21:13

Как гурт свиней в языческой земле,
Которым жемчуг брошен на попанье,
Мешая с кровью грязь на алтаре,
Они вели торговлю бойко в храме.

**Сыны блудниц — закрыли двери в дом
Перед блудницами и мытарями.
Просившим хлеба подавали — камень,
Гордясь с убийцей Урии родством.**

**“Бог хочет жертв. И их получит Он.
Да сгинет тот, кто преступил закон!” —
Каифа раздраженно хмурил брови.**

**Подписан приговор, и назван срок;
И сыто скалился безумный бог,
Кропя злаченные ефоды кровью.**

Тайная вечеря

Итак, если враг твой голоден,
накорми его; если жаждет,
напой его; ибо, делая сие, ты
соберешь ему на голову горящие
уголья.

Павел, Рим., 12:20

**...Ты, Иоанн — лучистый ясный взгляд,
Рука Петра — надежная опора...
Но ваши руки разомкнутся — скоро,
Когда под утро свечи догорят.**

**Я — сын земли; и кровь ее — вино,
А плоть ее — благословенье хлеба.
Я — человек, а не сошедший с неба
Бессмертный бог; воскреснуть — не дано.**

**Успеть сказать последние слова,
Пока под жгучим солнцем голова
Не запрокинулась в бреду молитвы —**

**Но кто из вас, ученики мои,
Сумеет вспомнить проповедь любви,
Когда мечи готовы будут к битве...**

Моление о чаше

Третий Ангел вылил чашу
свою в реки и источники вод: и
сделалась кровь.

Откр., 16:4

Звезда Полюнь — сверкающий кристалл —
Достигла беспощадного зенита;
И Третий Ангел перед Ним предстал
В одеждах цвета тьмы и аконита,

И аметистовую чашу поднял:
“Да претворится ныне в кровь вода,
Как возвестила волею Господней
Светильнику подобная звезда!”

— Остановись! — “Тогда — испей до дна.
Тогда — от боли корчись на кресте.
Спасай — рабов, поверженных во прах!”

...И чаша до ожога холодна.
И эхо слепо бьется в пустоте.
И горечь чернобыля на губах.

Иуда

И бросив сребренники в
храме, он вышел, пошел и
удавился.

Матф., 27:5

Я жажду. Родниковая вода
Становится соленой теплой кровью
На лихорадочных губах. Я помню:
Я предал не Тебя — себя тогда.

**И на губах запекся хриплый стон:
“Живи — и за собой влачи проклятье!
Будь проклята ночь моего зачатья!
Будь проклят день, когда я был рожден!”**

**Лишь нервно сцепленные пальцы — крик:
— Учитель, я хотел.. Не мудрость книг..
Я понял. Слишком поздно. Я устал..**

**И горло, как петля, тоска сдавила.
И над грядущей Акельдамой стыла
Звезда Полюнь — сверкающий кристалл.**

Понтий Пилат

Тогда отпустил им Варавву,
а Иисуса бив предал на
распятие.

Матф., 27:26

**От чаши с кровью виноградных лоз —
Тяжелый скол двуслойного стекла.
Все решено. И тяжесть неба жгла
Расплавленным топазом — бедный мозг.**

**И он смотрел так тяжело-надменно
На солнце — дымный раскаленный круг:
“Покой — и — власть!” — но проступали вены
На камне безнадежно-властных рук.**

**У стен дворца — толпы голодный рев.
Смотрели зверьи лики со щитов,
В усмешке злой ощерившие пасти.**

**Шипом в виске — неясная вина,
И темным ядом терпкого вина
Как кровью был запятнан пурпур власти.**

Клавдия Прокула

Пилат, видя, что ничто не
помогает... взял воды и умыл
руки пред народом...

Матф., 27:24

**“Гранатовый — пурпурный — и кровавый
Край мантии, влачащейся за мной —
Знак власти, ставшей тяжкою виной:
Я — со-причастница позорной славы.**

Пусть будет нам: судьба — единой мукой,
Хлеб — из одной муки; мне все равно.
Не он, а я ему омыла руки,
Не разбираясь — кровь или вино.

Святой изобразите — в ризе белой,
Шотландской ли кровавой королевой,
Мы — вместе!” — и в тоске, сквозь зубы, вновь:

“Мне, бывшей Понтия безмолвной тенью,
Мне, пьяной горькой гордостью паденья,
Мне — безразлично: пурпур — или кровь!..”

Путь

И когда насмеялись над Ним,
сняли с Него багряницу и одели
Его в одежды Его, и повели Его
на распятие.

Матф., 27:31

Насмешек грязь. И уличная вонь.
И слепота — как стержень раскаленный,
Когда удар пылающе-соленый
Вобьет железо в зрячую ладонь.

И горечь чернобыля на губах,
И кровь запекшаяся — черным воском.

Как гнут к земле неструганные доски!
Как мертвый воздух медью рвет труба...

И тянется с медлительностью бреда
Пылящий путь по выжженной долине.
Терновый нимб впивается в виски,

И тянутся к все-равнодушию неба
Беспомощные руки Магдалины —
Как поля крови бледные ростки.

Магдалина

При кресте Иисуса стояли
Матерь Его, и сестра Матери Его
Мария Клеопова, и Мария
Магдалина.

Иоан., 19:25

I

Слова о жизни и любви — пусты,
Они уже не значат ничего.
Слова умрут у гроба Твоего,
Как умирают бледные цветы.

Священники справляют торжество...
Пыль тусклых улиц Иерусалима
Не миром, а слезами я отмыла
С израненного тела Твоего —
Я, уличная девка Магдалина.

Глаза закрыть — и видятся кресты.
Смотреть, как заостряются черты
Любимого лица — невыносимо.

II

Ползут часы — безногие калеки...
Теперь Ты — мой. Я замыкаю круг
Страдальческим изломом слабых рук:
Безумно, безнадежно мой — навеки.

Теперь не нужно мне тебя делить
С предательски изменчивой толпой
И с тем безумным Богом, что Тобой
Свои грехи задумал искупить.

В ночи не звезды — раны от гвоздей.
Мой бедный рот замкнула немота.
Ты — мой. Найдешь ли кару тяжелей?

Я недостойна твоего креста,
Я недостойна боли этих дней —
Но как сейчас душа моя пуста...

III

...Мог ли Ты предвидеть, что скоро
Адом станет Твой светлый город,
Обернется святостью — грех;
Будет смерть — избавленьем и чудом,
Будет всех честнее — Иуда,
И блудница — вернее всех?..

И в преддверии крестной муки
Я целую худые руки
Обреченному палачу.
Разве Ты — милосердней Пилата?
На другом я кресте распята
И иную молитву шепчу.

Если б знал Ты, что неизбежно
Беспощадна предсмертная нежность,
Безнадежно — пытаться забыть
В память вбитые гвозди тупые:
Только уличной девке Марии
Никогда
любимой не быть.

Добровольно в бездну Ступивший! —
Что бояться — мне, пережившей
Бесконечность Твоих смертей?
Время с Вечностью сводит счеты,
И горят семисвечья субботы
Над предсказанной
казнью
Твоей...

Распятие

I

...и Кровь Иисуса Христа,
Сына Его, очищает нас от
всякого греха.

1-е Иоан., 1:7

**Все-равно-душен солнца мутный взгляд,
Не шевельнуть распухшими губами...
Не разорвется занавес во храме,
Не дрогнет раскаленная земля,**

**Иссохший мозг — бесплоден. Немота —
Так, словно рот наполнен жгучим дегтем,
И не — сошел, а — рухнул бы с креста,
Когда бы не ремни — крестом у локтя.**

**Каленое железо, терн венца
И желчь губам... последний дар Отца —
Предсмертие — предвиденье — проклятье:**

**Взлететь костром, когда — через века
К запекшимся губам еретика
Христов служитель поднесет — распятие.**

II

А если Христос не воскрес, то
и проповедь наша тщетна,
тщетна и вера наша.

1-е Коринф., 15:14

**Лихорадка слов, предсказаний бред...
Не сойти с креста — гвозди.
Не дрогнет земля, не померкнет свет,
Не сорвутся дождем звезды.
Как пергамент — в огонь,
как по телу — нож:
“Если не — воскрес,
наша вера — ложь!”
Не порвется завеса во храме.**

Не отвалят ангелы камень.
Раскаленное — нимбом — солнце...
пить...
Неужели так трудно —
богом —
не быть?..
Не корона царя — терновник венца.
Я не помню, как было имя отца,
И носила меня во чреве —
Не Святая Дева,
Не божья невеста.
Не было — благовестья!

...Не воскресну...

Отчаянье

Он был облечен в одежду,
обогренную кровию. Имя Ему:
Слово Божие.
Откр., 19:13

Священник без веры в сердце
В высоком холодном соборе
Говорил: *Милосердие Божье...*
И люди молча внимали
Исполненным веры и смысла
Высоким словам, и дивились.
Прихожане его называли
Боговдохновенными — речи,
И священника — *Златоустом*.

...А из полумрака собора
Скорбно смотрел Распятый.

28 НЕБЕС №1 95

Редактор *Роман Еримеевко*. Художник *Наталья Недоступова*.

Координатор проекта *Никита Проценко*.

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И :

348006, Украина, Луганск, кв. Героев Сталинграда, д. 9, кв. 49

Телефон: (0642) 95-60-67

E-mail: 2.4615/1.29@fidonet

